

Глава двенадцатая. В АЛБАЗИН

Ночная темнота над Гусиным озером сменилась ранними утренними сумерками, проступили ближние деревья, озерная гладь подернулась туманной дымкой. Лагерь еще спал. Немудрено — вчера, считай, весь день без отдыха шли. Старый полковник не помнил, забывался он в эту ночь коротким сном, нет ли? Вспоминал ли прошлое, или снилось ему то, что хотелось? Да, старость подошла и все планы спутала. А ведь и не скажешь, когда оно случилось. Вроде бы вчера еще саблей махал наравне с молодыми, а тут раз — и на коня сесть уже трудно. Да что там на коня — встать утром с кровати и то не сразу выходит...

Опять Енисейск. Тогда у Бейтона все вышло. Хорошо вышло. До сих пор вспоминать приятно. Казаки учились охотно. Кроме всего прочего, это было развлечением в тоскливых буднях отдаленного острога. Потом начались походы. Ходили в поход на огромную реку Лену, где инородцы взялись грабить караваны с ясаком. Ходили на мунгалов через озеро Байкал, через горы, степи и пески. Возвращались с добычей. Богатели казаки, богател и сам Бейтон. Уже целая деревенька Бейтоновка у города образовалась. На его земле сидели и волыные, и кабальные землепашцы. На юг вместе с Бейтоном шел сын, Андрейка. Не оплошал. Отца не подвел. Вернулся десятником — казаки сами выбирали. Эх, так бы жить да жить. Дети растут. Яков у воеводы в приказной избе

определился. Дом — полная чаша. Волявольная кругом. На сотни верст только его казачки и есть. Только нет-нет да кольнет по сердцу имя — Арина.

Сватали его постоянно, хоть женщин и не хватало. Только все это было как-то не нужно. Естество успокоить — так на то доступные красавицы водились. А замены Арине быть не может на этом свете. Его Арине. Сватов он с подарками и честью выпроваживал. Про себя говорил, что старый уже. Хотя стариком себя тогда не чувствовал. Только не хотела судьба оставлять его в счастье. Казалось бы, уже столько выпало на его долю — пора бы уж остановиться, так нет.

Все нарастало как-то небыстро, но уж больно в одну сторону. Хотя, может, это сейчас ему так видится. Сначала в Москву вызвали князя-воеводу. Нового пока не было слышно. Его службу решили разделить между городским и казачьим головами. Городской голова ведал делами мирными, а Бейтону достались военные. А военные дела стали идти все труднее, все как-то не так. Уже не одно десятилетие на реке Амур было немирно. Отправил туда якутский воевода своего доверенного человека — Ерофея сына Павлова. Человечек тот жадным до чужого добра оказался: не государевым словом, а саблями и огненным боем добывал ясак. А земли те были непростые: тамошние инородцы были данники и родственники могучему царству Цинь, или маньчжурам.

Тогда и началось. Местные инородцы бежали вглубь царства, оставляя пустую землю. Тунгусы и бряты восставали, жгли остроги. Отряды богдойцев — тех же маньчжуров — стали появляться на Амуре-реке, осаждали остроги, жгли пашни. В конце концов, Амур и вовсе опустел.

Несколько выправила жизнь, когда из Илимского острога на Амур бежали казаки с пятидесятиком Никифором Черниговским. Тот был казак лихой и умный: смог с тунгусами и другими местными людьми дружбу свести, вместе маньчжур тех богдойских вытеснил; ясак собирал за защиту необходимый. За тот ясак вышло ему полное прощение. Только вот опять собираются с силой маньчжуры: поставили крепость земляную, постоянно тревожат набегами станицы и деревни. Даже до Нерчинска — хорошо укрепленного острога — доходят. На Амуре, в Албазинском остроге, воеводой сейчас сын боярский Алексей Ларионович Толбузин; у него три сотни казаков. Немного больше сил в Нерчинском остроге — с ними и от маньчжур обороняться, и от воровских казаков, и от немирных инородцев.

Бейтон тогда написал прошение к воеводам Томска и Тобольска с просьбой о помощи. Маньчжуры нападали тысячами.

Уже больше месяца шел табор, который по какому-то недоразумению считали полком, идущим на помощь отдаленным острогам, осаждаемым богдойцами. Конечно, того бедствия, что было на пути в Енисейск, Бейтон не допустил: припасов взяли вдоволь, да и по пути не раз пополняли запасы у данников или в острогах, мимо которых проходили. Но наладить настоящий военный порядок Бейтону так и не удалось. Отряженные им в караул казаки засыпали, громко разговаривали, палили костры. Столь же беззаботно вело себя и маршевое охранение.

Кроме положенной (и вытребованной Бейтоном) хлебной части, казачки умудрились разжиться в пути и медовухой, что было еще одной головной болью для полковника. Он кричал, ругался, порой дрался. Но ничего не помогало. С ним не спорили (не решались), но и выполнять его распоряжения не спешили. Пока полковник был рядом, порядок еще соблюдался. Но стоило

Казаков же было — в хорошем варианте — лишь несколько сотен. Из Тобольска тогда прислали весточку, что формируют приказ казаков, полк пятисотенного состава. И в один далеко не радостный момент этот полк очутился под Енисейском.

Тот день Бейтон до сих пор вспоминал недобрым словом. Казаки от разбойников с большой дороги не очень отличались: оборваны, голодны, кони худые, оружие — страшнее чумы... Увидев богатый острог, решили тобольцы пограбить. Но не тут-то было: трепку им Бейтон задал такую, что через полчаса пощады запросили. Ему тогда бы отправить их подобру-поздорову в Нерчинск, так нет — офицер в нем проснулся. Казачок пожалел, велел обучать их, оружие в порядок приводить, кормить, как своих.

А месяца два спустя сам же и повел их в Нерчинск. Не хотелось. Да только в жизни все одно к одному цепляется. Уже свои казаки стали на пришлых людей косо смотреть, того и гляди сцепятся. А идти с кем-то другим, кроме «полковника Афанасия Ивановича», те отказывались. Наскоро простившись с Федором, поручив его заботе детей и все имущество, Бейтон отдал приказ выступать. Эту дорогу Бейтон запомнил на всю жизнь.

ему отойти, как все возвращалось на круги своя. Немного спасала сотня из енисейских казаков. На особо опасные задания Бейтон старался ставить именно своих людей, хоть и считал, что это неправильно. Именно порядок на марше, в лагере и в бою позволял енисейским казакам почти без потерь возвращаться из походов. Теперь же беспечность должна была аукнуться.

Долго ждать не пришлось. При перевале перевернулась и потонула телега с пушками. В другой раз намок порох. И это еще до мест, где существует реальная угроза нападения. Выход за Великое озеро Байкал тоже не стал поводом для изменения поведения казаков. А места те были беспокойные — еще недавно там озоровали отряды тунгусского князя Гантимура. Теперь Гантимур ушел под русское подданство, стал союзником. Но ему на смену пришли монголы и богдойцы, которым монголы платят дань. Вот и случилось то, что должно было случиться.

Вечером встали на стоянку. Стояли весело. А что — Нерчинск уже недалеко, большая часть пути позади... Бейтон и его люди прилегли отдохнуть. Казачки же из стольного града Тобольска — и те, что отдыхали за телегами, и те, что стояли в охране, — веселились во всю прыть. Внезапно окрестные холмы охватил вой, а со всех сторон на лагерь обрушились всадники. Казаки не успели схватиться за оружие. Только Бейтон смог нечеловеческими усилиями выстроить свою сотню и дать залп. Второй залп давали уже в пустоту — дикари растворились в ночи так же внезапно, как и появились.

Но ушли они не одни: с ними пропали кони и телеги с припасами, а без всего этого им просто не дойти. Думал Бейтон недолго. Собрал сотников на разговор:

— Вот что, старшины. Или вы со своими людьми идете со мной и слушаете меня, как монахи попа, или сидите здесь, а я со своими людьми возвращаюсь в Енисейск. Все понятно?

— Куда уж яснее. Только нам такой разговор не нравится, полковник.

— А я — не рубль золотой, чтобы нравиться. Только вот сделаю я так, как сказал. Принимаете или нет?

Казаки еще немного поворчали для чести, но приняли все условия полковника. Да и как не принять?..

Вскоре выступили. Шли уже не толпой, а строго по приказу полковника. Впереди шли енисейцы, чьи кони сохранились. За ними — самые молодые и хорошо вооруженные казаки из Тобольска. За ними — остальные. Шли быстро и молча. Нападавших нагнали еще до полудня. Те стояли лагерем в ложине между тремя сопками. Но Бейтон нападать на лагерь не спешил. Дождался темноты. Самые умелые казаки тихо сняли охранников. Потом Бейтон так же тихо выстроил огневые линии среди холмов. Остальные на конях скрылись до времени в балке. Когда все было готово, полковник дал условленный сигнал. Раздались выстрелы. Не ожидавшие преследования мунгалы попытались вырваться, но стреляли со всех сторон.

Крики неслись из лагеря — смерть собирала там свой урожай. Бейтон закричал особым образом, и в тот же миг из балки вылетела конная сотня. Из мясорубки, устроенной Бейтоном, вырвалось едва ли полтора десятка кочевников. Казацкие кони и телеги были на месте. И не только они.

Хабар оказался немалый: в мунгалском лагере были вяленые бараны туши и выделанные шкуры, богдойские ткани и вина. И даже золотые монеты. Обратный полк вышел, полностью «завоеванный» своим командиром.

Теперь службу несли не просто старательно, но с рвением и продвигались гораздо быстрее. И уже через неделю подходили к слиянию рек Нерчи и Шилки, где располагался Нерчинский острог, центр Нерчинского уезда. Острог и город были богатые. Крепость, как и большая часть сибирских крепостей, деревянная. Вокруг острога — ров, за ним стена. В остроге — церковь, воеводская резиденция, торговые палаты, приказная изба, амбары. А за острогом высились хлеба — еще зеленые, но обещающие такой урожай, о каком в Енисейске и мечтать не могли. Да и в подмосковных деревеньках Бейтона тоже.

В остроге было нехорошо: суетно, шумно. По городу сновали вооруженные люди. Бейтон от греха подальше оставил своих казаков со стороны Шилки, а сам с десятком поехал в город. В воеводском доме было не менее суетно, чем в самом городе. Может, даже более. Бейтона сразу же, как он доложил о прибытии, провели к Нерчинскому воеводе, цареву стольнику Ивану Власову. Хотя Бейтон встречался с Власовым в Кремле, прием не был любезным:

— Не скоро ты, Афанасий Иванович. Мы тебя месяц уже ждем. За то время, что ты шел от Енисейска, мы Албазин потеряли. Толбузин — воевода Албазинский — неделю назад со срамом пожаловал.

— Прости, Иван Евстафьевич. Трудный путь был. От монгола отбиваться пришлось.

— Сколько людей с собой привел?

— Шесть сотен казаков. Все обучены строю и огненному бою.

— Это дело хорошее.

— Только вот пушки пока в пути. Думаю, через неделю подойдут.

— Ну что ж, тогда и выступим.

— Куда выступим, Иван Евстафьевич? — не понял Бейтон.

— Как куда? В Албазин. Что ж мы — богдойцам такую землю так оставим? Нет, другой мой. Вот через неделю с воеводой Алексеем Ларионовичем отбудешь в Албазин.

— Так я ж в Енисейске... — начал было Бейтон.

— Был ты в Енисейске головой. Теперь будешь в Албазине головой и защитником. Служба у нас такая, Афанасий Иванович. Не

суди. А иначе нам с врагом не сладить. Вот и приказ государев.

Бейтон сник. Честно говоря, он считал свою миссию полностью выполненной уже тогда, когда подготовил тобольских казаков в Енисейске. А когда довел до Нерчинска, так и с лихвой свой долг исполнил. А выходит, что нет.

— Что ж, значит, так тому и быть, — грустно проговорил Бейтон.

Через неделю и вышли, пока только на разведку. Две сотни казаков с Бейтоном да воевода Алексей Толбузин с полусотней крестьян. Толбузин хоть и вполне мирно общался с казачьим головой, был какой-то странный и нервный, кричал на крестьян, срывался на казаков, постоянно оглядывался. В первую же ночевку, когда Бейтон, расставив караулы, вошел в палатку, где уже находился Албазинский воевода, у них случился разговор. Толбузин сам предложил выпить и все обговорить. Пил Бейтон без большой охоты, но слушал внимательно.

Цины, так Толбузин называл маньчжур-богдойцев, страна сильная и людьми обильная. Правитель их называется богдыханом по имени Канси. Они здесь жили изначально. Точнее, предки их из этих мест. Сам правитель — родственник монгольскому Небесному хану, поскольку мать его была из монгольских принцесс. Место, где стоят Албазин и русские деревни с заимками и зимовьями, для цинов священное. Потому и воюют они с русскими упорно и яростно. Есть у них не только стрелы, но и мушкеты, пищали и тяжелые пушки. Такие большие, что при прошлой осаде они одним выстрелом обе стены пробивали. А на третий день и вовсе город зажгли. Всех сил у Толбузина было тогда три неполные сотни казаков. Да каких — лихие люди, а не казаки... Управлять ими совсем нельзя (Бейтон про себя хмыкнул, мол, особенно если управляешь криком и кулаком). Но виду не подал, продолжая слушать исповедь воеводы. А послушать было что.

Цинский воевода по имени Лантань — муж благородный и умелый. Ставка у него ниже по Амуру в крепости Айгунь. Сам Толбузин эту крепость не видел, но дозорные казаки подбирались. Крепость велика. Воинов там многие тысячи. Всадники воюют

— Не печалься, Афанасий Иванович! Давай, устраивайся. Завтра приходи. По-знакомлю с воеводой Толбузиным. С ним и будете Албазин отстраивать да защищать. А земля там, скажу я, богатейшая. И пшеница растет, и рожь. И рыба такая, что в иных местах и не увидишь. Говорят, сама из реки на берег выскакивает. Может, еще в поясе мне поклониться за такое назначение. А пока отдыхай.

на манер монголов. И луки используют, и пики, и сабли. Пешие воины не особо хороши, но многочисленны. Правильного строя не знают. Пушкари весьма умелые. Когда острог сгорел, этот Лантань начал переговоры. Рядили долго. Поначалу цины требовали, чтобы Толбузин со своими людьми уходил в Якутск. Но Толбузин не уступал. Говорил, что сами здесь костями лягут, но в Якутск не уйдут. Решили, что албазинцы со всем имуществом отступят в Нерчинск, а земля по реке Амуру останется «пустой». На том Лантань поклялся на русские остроги более не ходить, а Толбузин целовал крест, что уходит из Албазина навсегда.

— Выходит, что я не только цинам враг, а еще и клятвopеступник. Я ведь крест святой на том целовал, что ухожу. Цины мне весь скот дали в Нерчинск увести, имущество, оружие забрать. Даже знамена. А я и их обманул, и себя.

— Что ты, Алексей Ларионович, — попытался успокоить его Бейтон. — Ведь нехристям слово давал. Их не грех и обмануть. Любой поп тебе так скажет. Тем более что это — дело государево. Не по своей воле идешь — по приказу.

— Да знаю я это все. Сам себе сто раз так говорил, а саднит в душе. Клятве-то изменил. Давал от сердца. Цины же как люди поступили. А я? Чует мое сердце, что на смерть я возвращаюсь в Албазин.

— А воеводе Власову о том говорил?

— Говорил, конечно. И челобитную подал. Так он и слушать не захотел. Говорит, что не желает «побежную славу учинить». Вот и иду... на погибель.

— Что делать, Алексей Ларионович, — печально ответил Бейтон, — все мы так живем на земле. Только вростешь корнями в какое место, а судьба уже вырывает тебя и бросает в новую целину. Только что-то сло-

жится в жизни, так сразу и рушится. Такая у нас судьба. Я ведь тоже дом, хозяйство, четверых детей оставил в Енисейске. Может, и не придется свидеться. Только я сразу в гроб ложиться погожу. За свою жизнь, за свою волю биться буду до последней возможности. И ты себя хоронить погоди.

Говорили долго — уж звездочки меркнуть начали на небе. Не то чтобы все сомнения Бейтону удалось развеять, но вел себя Толбузин уже намного спокойнее и увереннее.

Вскоре на холме близ Амура показалось пепелище, где прежде стоял Албазинский острог — единственная крепость в Сибири, построенная не по государеву указу, а вольными и беглыми людьми для своей защиты. Воевода все описал верно. От острога одни горелые бревна остались, да и тех немного. Вал, правда, уцелел. Зато ров весь засыпан. Ближние деревеньки (видели, когда шли) брошены и разорены. Но там же увидели и первый добрый знак — поля были засеяны и взошли дружно. Поспели в самый срок. Не было и цинских войск. Видимо, этот Лантань и вправду решил, что русские больше не вернуться.

Забот сразу стало невпроворот. Первым делом отправили гонца в Нерчинск за остальными казаками да пашенными крестьянами, за припасами и оружием. Воевода отдал приказ начать собирать урожай и строить амбар для зерна. Бейтон с казаками взялся за строительство землянок и обустройство будущей крепости. Расчистили основание от горелых бревен, обновили и углубили ров. Бейтон ежедневно отправлял казаков и мужиков в ближайший лес на заготовку бревен для будущего острога. И хотя работа была нелегкой, все понимали — для себя защиту строят. Вскоре из Нерчинска стало прибывать пополнение. Дела пошли веселе. Долго спорили с воеводой и казачьими старшинами, какими быть стенам острога. Воевода хотел восстановить крепость в том виде, в каком она была до нападения маньчжуров. За «нормальный острог» стояли и старшины. План Бейтона требовал гораздо больше труда, к тому же труда не совсем привычного и понятного. Но Бейтон понимал, что так строить нельзя. Деревянная крепость против пушек не устоит и недели.

Спорили и ругались яростно, однако Бейтон нашел способ настоять на своем. Он просто построил со своими казаками, которых он ощущал уже едва не своей се-

мьей, два участка стены по воеводе длинной. И при всех старшинах и саене устроил демонстрацию: выстрелил в них из пушки. Деревянную стену ядро пробило насквозь, в насыпной застряло и только сотрясло грунт. Опыт убедил. Приняли план казачьего головы.

Сначала по кругу поставили крепкие срубы так, чтобы сваи едва не на полсажени печатных уходили под землю. Наружную стену сделали глухой, а вовнутрь образовавшегося крепостного двора выходили двери. В отличие от обычных крепостных стен в сибирских острогах, стену построили ломаную, бастionsами (казаки говорили «бастиями»). Срубы для крепости соединяли железными полосами. Внутри крепости крестьяне и мастеровые ставили избы, воеводский двор, приказную избу. Однако амбары и склады Бейтон повелел устраивать в стене. Параллельно продолжался сбор хлебов, урожая с огородов. Каждый день охотники уходили в лес не только для пушного промысла, но и для заготовки дичины. Туши и полутуши лосей и изюбров коптили на польский манер и тоже загружали в кладовые.

А крепость продолжала строиться. На внешней ее стороне на срубы и над срубамы принялись насыпать вал. Здесь не только все казаки и крестьяне, не занятые в поле или в карауле, принимали участие — сам голова дневал и ночевал у стены. А стена росла как по волшебству. Вышло вполне мощное фортификационное сооружение: ширина более четырех сажень (никакое ядро не пробьет), да и высота в два человеческих роста. Старые стены, конечно, повыше были. Ну так и служили недолго.

— Этим стенам ядра не страшны, — с гордостью указывая на свое произведение, говорил Бейтон Толбузину.

— А где же твои стрелки здесь сидеть будут? — с некоторым сомнением в голосе спросил Толбузин.

— А вот это мы сейчас и будем улаживать, — усмехнулся Бейтон.

С группой самых метких стрелков обошли они вал вокруг города, помечая самые опасные участки, самые удобные позиции. Потом долго плели из тонких веток в несколько слоев плетень, устанавливали там, где стрелкам было удобно. Оборудовали сторожевые и огневые позиции, в бастionsах — раскаты для установки пушек, тоже защищенных плетнями от вражеских ядер

и пулю. Плетень обматывали толстым слоем глины, чтобы стрелы и пули в нем вязли. Делали на совесть. От этого могла зависеть жизнь. По всей протяженности стены было оборудовано две сотни позиций, девять позиций для пушек в бастionaх, двадцать караульных позиций — так, чтобы просматривалась вся округа. Самую большую пушку решили установить на раскате в глубине двора, так же старательно прикрыв плетнем. Во дворе крепости отрыли колодец — на случай, если враг перережет доступ к реке.

Оборудовав защиту, Бейтон приступил к обучению воинов. Стрелки, пушкари, кавалеристы — все в его маленькой армии должны быть готовы к бою. Учил не совсем так, как учили в регулярной армии, ведь огневые линии здесь не пустишь. Хотя залповому огню обучал тоже. Зато учил, разбившись на двойки, организовывать быструю стрельбу: более умелый стреляет, а помощник тем временем другой мушкет заряжает и подает. Учил и пушкарей стрелять быстро и точно. Уже к осени не только крепость была в основном готова, а урожай собран и уложен в хранилища, но и почти шесть сотен бойцов обучены стрелять залпами, быстро и слаженно перезаряжать мушкет, фехтовать, бросаться лавой в атаку и многому другому.

Приамурье и вправду было благодатным краем, особенно в сравнении с теми местами в Сибири, где Бейтону довелось бывать прежде. Пушной зверь и здесь водился в изобилии. Правда, не совсем вблизи города, но уже в ближайшей тайге встречались и соболя, и лиса. Река была богата рыбой, которую воевода тоже дал приказ солить впрок. Но главным богатством здесь была земля — жирная, урожайная, родящая.

Цины пока не показывались. Но в том, что они придут, не сомневался никто. Как

встала крепость, в Приамурье потек народец. Шли на новые земли промысловые люди и мастеровые, крестьяне и монахи. Образовались многочисленные займки, и даже обширная Покровская слобода. Создание последней Бейтон не одобрял, поскольку считал, что селение, окруженное невысоким частоколом, слишком беззащитно. Зато одобрял Толбузин, ведь именно из займок и сел шел основной поток ясака, пошлин, товаров. За них и спрашивали воеводу. Казачий голова, помня, что его дело — военное, в мирные дела не лез, продолжал совершенствовать свое небольшое войско.

Самых лучших бойцов он свел в особый отряд из двухсот всадников, способных биться и на конях, и в пешем строю, и саблей, и пульей. Постоянно высылались караулы (не менее десятка) ко всем русским поселениям. С приданным его казакам кузнецом взялись они делать новинку — ручные ядра, иначе — гранаты. Ядра эти пеший человек мог рукой метнуть. Это, конечно, не пушечный выстрел, но шагов на двадцать действовало. Нашел он и крепких казаков-метателей. Долго упражнялся с ними. Учил он и мещан, живших близ крепости. Кто его знает, как оно обернется? А лишний стрелок не помешает.

К середине октября, когда осень уже полностью вступила в свои права, Бейтон мог сказать, что все, что он мог сделать для успешной защиты крепости, сделано. Дальше — как Господь судит. Припасов в амбарах, надежно скрытых в толще стен, должно хватить года на три. Казаки обучены настолько, насколько можно обучить за несколько месяцев людей, желающих выжить и отбиться от врага. Тогда же на Амуре вновь появились цины.

Командующий корпусом непобедимой восьмизнаменной армии, в недавнем прошлом — личный телохранитель Сына Неба, Лангань стоял над рекой Черного дракона и пристально смотрел на пространства, простирающиеся за ней. За ней лежала запретная земля — священный мир, где живут духи предков императора и всех маньчжур. Да, сегодня империя Цинь во главе с божественным Сыном Неба богдыханом Сюанье раскинулась на несчетное

количество ли по всем четырем сторонам света. Девиз правления — «Канси», то есть «процветающее и лучезарное» — стал подлинным светом для подданных империи. Но сколь бы велика ни была Срединная держава — сосредоточение Небесного порядка в подлунном мире, — каждый маньчжур помнит, что его священная сила и мужество родились здесь, в запретной стране. Из этих мест идет процветание и счастье текущих дней.

После многих лет неурядиц и правления неблагоприятных наместников и регентов к власти пришел император Сюанье, тогда еще совсем молодой человек. Императором он стал еще в детском возрасте. Но много лет его Божественное начало не могло соединиться с источником власти. Покойный Сын Неба создал совет из четырех уважаемых, как ему казалось, людей во главе с Великим гуном Обоем, который был объявлен правителем при малолетнем императоре. Правитель был жесток, если не сказать жесток. Поборы при нем возросли многократно, торговля приходила в упадок. Ко двору приближались недостойные. Междоусобные войны между гунами и владельцами ослабляли армию, делали империю беззащитной перед врагами.

Но Сын Неба рос и копил силы. И в светлый год своего совершеннолетия вместе со своим дядей Сонготу он уничтожил князей-гунов, посмевших посягнуть на Небесный порядок. Тогда еще совсем молодой воин дворца Лантань был среди сторонников императора. Не все и не сразу приняли его выбор. Вначале казалось, что Совет регентов победит. Но Лантань, чья традиции своей семьи, был предан Сыну Неба сразу и до конца. И в конце концов все признали, что его выбор был мудрым. Пусть его преданность подвергалась испытаниям (а император не только награждал верного телохранителя, но и жестко карал за поступки, недостойные благородного мужа), Лантань знал, что Сын Неба печется только о благе и для него, и для всех народов Всемирной империи.

Победив, Сын Неба снизил и упорядочил налоги, чем заслужил любовь простонародья. Прекратил междоусобные войны и подтвердил вечность владения благородных семей. Этим он привлек к себе военачальников шестизнаменной армии и их семьи. Но, обеспечив мир в империи, Сын Неба не спешил раздвигать ее границы. Он был мудрым и терпеливым. Пока его дядя, Великий гун Сонготу, вел дела с окружающими варварами, Сын Неба строил плотины и укреплял берега Великих рек, обеспечивая питание народа и богатство страны, развивал торговлю с южными, восточными и западными варварами. Он не стыдился учиться у варваров из далеких стран искусству ирригации и строительства крепостей.

Много делал Сын Неба и для истинных владык империи, народа маньчжуров. Все маньчжуры были освобождены от налогов и

обязаны были императору только воинской службой. Помимо восьмизнаменной армии, где служили маньчжуры, была создана армия Зеленого знамени из других народов. Эти воины были слабее, чем маньчжуры, но было их в десять раз больше.

Накопив силы, император начал расширять страну. Сначала пала Южная Мин — остатки владений прежней династии из народа Хань. Потом к Цветущей середине были присоединены острова возле берега, создан могучий флот. Победоносные армии императора разгромили войска правителя ойратов Галдан-Бошугу и взяли под свою защиту потомков Небесного хана. Страна Чосон и страна Монголов обрели своего истинного владыку.

Уже в это время стали появляться длиннорылые лаочи, или, как они себя называют, «русские». Поначалу их было немного. Они жалась к своим деревянным крепостям, стремясь отбиться от ойратов и их данников. Но из их далекой страны все шли и шли новые отряды длиннорыдых, диких и воинственных людей с огненным боем. Они грабили местные народы, часто силой отнимая у них последнее. Один из таких отрядов еще в правление старого Сына Неба проник в запретные земли. И хотя приняли их, как гостей, они разорили стойбища родичей маньчжуров. Война — ненужная и дальняя — стала неизбежной.

Тогда мудрый император смог несколькими точными ударами разбить и уничтожить захватчиков. Данников и родичей маньчжуров отвели вглубь империи, на обжитые земли. Но русские пришли снова. Их стало больше, они были лучше вооружены. Они построили деревянную крепость, стали сами уничтожать зверей, взрывать плугом Священную землю. Тогда, чтобы сохранить сосредоточие Силы маньчжур, и повелел мудрый Сын Неба поставить крепость Айгун, свести туда войска и уничтожить русских в Священной земле.

Туда и направили мэйрени-чжангиня — военачальника Лантаня с тысячей воинов из восьмизнаменной армии и двумя тысячами из армии Зеленого знамени. Его отряды были приданы двадцать орудий с огненным боем. Они и помогли выполнить миссию, которую возложил на него Сын Неба. Он уничтожил укрепленное поселение русских на реке Хумарахэ, а затем сжег их крепость у реки Черного дракона. Командующий русским отрядом Тол Бу Син

показался Лантаню благородным мужем, выполняющим, как и он, приказ своего императора. Потому после клятвы никогда не ступать на Священную землю гарнизону сожженной крепости было позволено удалиться в другую крепость, находящуюся за пределами Ивового палисада, отделяющего Священную землю от иной.

Это соответствовало и письму императора. Сын Неба писал своему недостойному слуге: «Когда вы подойдете под русский город Албазин и русские, оказав вам сопротивление или же сдавшись добровольно, признают свою покорность, то вы не должны убивать ни одного человека, а объявите им наш следующий указ: «Мы являемся повелителем многих владений и обладаем безграничным человеколюбием. Мы не собирались поэтому предать вас смертной казни за ваши дерзкие проступки. Отпускаем теперь вас всех на волю, чтобы вы, чувствуя проявленное к вам милосердие, более против нашего повеления не выступали и наших границ не беспокоили». После этого позвольте им вернуться в их прежние места». Он все выполнил по слову Сына Неба.

Лантань считал свое дело выполненным. Но император повелел ему задержаться в Айгуне, чтобы убедиться, что русские держат слово. Сын Неба был, как всегда, мудр и добродетелен: русские не смирились с поражением. Их посланники ко двору Сына Неба отказались от выполнения надлежащих церемоний и были изгнаны. А недавно лазутчики донесли, что русские вернулись. И не просто вернулись. Они восстанавливают крепость, снова строят свои нелепые домики на Священной земле, убивают запретных животных. Значит, их слову нельзя верить. Он, полководец Лантань, ошибся. Но за его ошибку и, возможно, за гнев императора русские заплатят своими жизнями. Он повернулся к своим помощникам, возглавлявшим отдельные отряды конницы, пехоты, огненного боя. Они стояли на должном расстоянии от своего начальника в подобающих позах, выражающих внимание и смирение.

— Я собираюсь на охоту к русской крепости. Организуйте мне надлежащее сопровождение, — без каких-либо эмоций проговорил он. Но помощники все поняли правильно. Впереди — война.

Цины появлялись нерешительно. Первый гонец прибыл только в конце октября. Небольшой отряд напал на русскую заимку близ реки Кумары. Заимку спалили, часть людей побили. Остальные смогли уйти в тайгу. Бейтон насторожился, а Толбузин и вовсе спал с лица. С того дня караулы выходили неукоснительно. Стычки с цинами становились все чаще. Пару раз выезжал с отрядом из крепости и сам казачий голова. Поле оставалось за казаками. Цинов отбрасывали, многих убивали. Но деревни чаще всего уничтожали. Беженцев приходилось размещать около крепости. Бейтон внимательно смотрел, как воюют цинские солдаты. Пока ничего опасного он не видел: парни крепкие, но слаженности мало; огненный бой знают, но залповый огонь применять не умеют. Поняв это, Бейтон пока и сам не применял его — пусть будет приятной неожиданностью при серьезной схватке.

А к концу октября пожаловал под крепость и их воевода. Дескать, ехал он поохотиться да решил заглянуть к сосе-

дям. Был он важным до невозможности. Лицо холодное, каменное. Глазки-щелки смотрят тревожно и гневно. Слова говорит вроде бы учтивые (по крайней мере, толмач так переводит), а лицо совсем недоброе. В крепость Бейтон его не пустил. Велел разбить шатер у реки, поставить закуски и вина, а сам с воеводой вышел встречать «дорогого гостя».

Гость сидел все время с невозмутимой физиономией. Отвечал на приветствия вежливо, но холодно. Лишь однажды поддержка изменила ему: в миг, когда он увидел воеводу Албазина, будто искра вырвалась из-под его приспущенных век. Если бы взгляд мог испепелить, то Толбузин уже лежал бы мертвым. Но через миг об этом ничего не напоминало. На прощание долго смотрел в глаза Бейтону. Ну, того взглядом не проймешь. Встретил его взгляд спокойно и уверенно. Ты, милый друг, наши поля жжешь. Так я тебя тоже миловать не буду, читалось в его взгляде. Цины умчались. Русские поняли, что схватка неминуема. Более того, она близка.

Поездка к русским прошла успешно. Лантань смог увидеть пути, по которым пойдет его отряд, места, где он поставит пушки. Увидел, что русских в крепости много. Правда, стены у новой крепости были странные. Очень низкие и покатые. Но и они падут под его огнем. В саму крепость его не пригласили. Однако мудрый и опытный в делах муж и снаружи увидит все, что ему необходимо. Увидел он и человека, который поверг в прах его веру в благородных людей среди длиннобородых — воеводу Толбузина. Он изменил слову и будет предан смерти. Так приказал Сын Неба. Остальных, если они подчинятся приказу, было велено отпустить с милостью.

Вот второй начальствующий русский ему показался интересен. Он несколько

отличался от своих собратьев. Бороды у него не было, зато были длинные усы, добавляющие знатоку мудрых книг. Возраст русских он определять не мог — настолько они все были похожи друг на друга. Но было понятно, что перед ним муж и воин. Взгляд спокойный, без надменности, но и незаискивающий. Многозначительный такой взгляд. В отличие от Толбузина, глаз своих не отвел. На вызов ответил вызовом. Что ж, победа над достойным врагом будет сладка вдвойне. С тем и отбыл. Отъехав на изрядное расстояние от крепости, Лантань произнес несколько выражений, недостойных благородного мужа.

— Начинайте! — коротко приказал он своим приближенным.

Глава тринадцатая. ОСАДА

Бейтон с утра наблюдал за строительством дозорной башни в крепости. Оставалось только покрыть крышу дранкой от дождя и снега. Работа была хоть и не самой срочной, но важной, потому Бейтон не сразу увидел всадника, влетевшего в ворота крепости. Всадник что-то крикнул стражнику на предвратной башне. Сразу же другой стражник кинулся во двор к голове:

— Афанасий Иванович! Цины на Большую заимку напали!

— Всем на конь! — крикнул Бейтон уже на бегу.

Большой заимкой называлась деревня всего в десяти верстах от Албазина. Домчались быстро. Заимка пылала, жившие там казаки и промысловые люди еще рубились, медленно отступая к спасительным деревьям. Цины не ждали русских так скоро, потому бежали в панике, перебив пленных. Обычно Бейтон, выгнав врагов за реку, считал свою задачу выполненной. Но теперь решил преподать недобрым соседям урок вежливости.

Отряд переправился на цинский берег и пошел маршем вдоль реки. Казаки, обозленные наглостью маньчжуров, жгли попадавшиеся селения, убивали жителей. Впрочем, последних было немного. Отряд, вторгшийся на территорию Албазинского воеводства, уничтожили еще в первый день. Но гнев Бейтона не утихал. У реки Кумар цинские разезды стали попадаться чаще. Крепость Айгун была близко. Когда отряд

уничтожил разезд в полусотню воинов, Бейтон приказал возвращаться.

Было ясно, что цинов вокруг великое множество. Погубить цвет своей маленькой армии Бейтону совершенно не хотелось. Тем же ускоренным маршем вернулись в крепость. Резон от демонстрации оказался изрядным. До самой зимы цины не показывались. А зимой и подавно сидели тихо. Среди людей пошли шептания, что казачий голова так настрашал богдойцев, что те убежали. Бейтон понимал, что это не так. Но людям хотелось верить в лучшее. Голова продолжал собирать припасы на случай осады. Сам за зиму два раза ездил в Нерчинск за зельем. Албазинцы крутили пальцем у виска. Бейтон не реагировал. Он просто знал, что это нужно.

Наступала весна. Крестьяне засеяли поля, хотя Бейтону было ясно, что в этот раз собрать урожай им не дадут. И не ошибся, хотя и очень хотел. Дозорные казаки теперь шныряли не только вдоль Амура, но доходили до самой цинской крепости. В конце июня разведчики донесли, что в крепость прибыла тьма людей, лодки, табуны лошадей. Стало понятно, что до вторжения остались дни. Толбузин совсем ослаб. Все чаще сидел в приказной избе, глядя перед собой. Видимо, совсем запутался воевода со своей совестью. Это было страшно не вовремя.

Из Айгуни прибыли пленные с письмом от Лантаня. В письме цинский полководец

от имени своего императора предлагал русским уйти из Приамурья со всем припасом и честью. В противном случае грозил карами и смертью. Среди казаков началось шатание. Чтобы раз и навсегда решить эту беду, Бейтон созвал казачий круг. Не старшины и атаманы, но все будущие защитники крепости. Таковых набралось аж восемь сотен человек. Сила немалая. Долго шумели, ряздили, спорили. Были и те, кто склонялся на то, чтобы уйти обратно в Нерчинск. Тогда в круг вышел сам голова:

— Братья! Мы все пришли сюда не только потому, что нас кто-то послал и направил.

— Не дело говоришь, голова! Воевода Тобольский нас отправил, — выкрикнул кто-то из толпы.

— Это правда, но не вся правда. Бывал я в разных странах. И везде одно и то же: сильный в масле катается, а слабый кровью умывается. Везде боярин прав, а казак, мастеровой или солдат во всякой вине виноват. Только обживется человек на одном месте, только вращается в землю, как его с корнем вырывают, и не только плоды и листья, а кору до нутра сдерут. Хозяину дай, боярину дай, подьячему дай, слугу барина не забудь. От такой жизни и уходят люди.

— Вот это правда, — грустно произнес другой голос.

— Да ты, голова, про цингов говори. Так мы до утра круг не закончим.

— Я про них и говорю, — спокойно отвечал Бейтон. — Только вы меня все время перебиваете. Так вот, пришли мы сюда, чтобы жить своей волей. Своей силой и умом. Мы не святые и не ангелы. У меня, вы знаете, крыльев нет. Только вот одно у нас есть — и у вас, и у меня: кланяться в пояс мы до седых волос не научимся. Шея не гнется. Так, казаки?

— Так, голова, говори, — поддержали сразу несколько голосов.

— Я и говорю, — продолжал Бейтон. — Позади у нас — бояре и баре, которые любят тихих и смиренных. Таких, как мы, — не любят. Загонят в дальние остроги. Там и сгноят. Впереди — цинское войско. Уйдем назад — будет позор и полон. Сдадимся — будет то же. Одно нам остается — выстоять. Все для того у нас есть. Есть припасы, хоть два года в осаде сиди. Имеется зелье огневое и для пушек, и для ружей. Есть вы — сильные и смелые воины. Я не вижу причин для страха. Мы можем выстоять!

— Мочь-то можем, Афанасий Иванович. Так ведь и побитыми быть можем, — громко

произнес тобольский казак Елифан, самый непоседливый и крикливый из тобольцев.

— И тут ты прав, Елифан, — согласился Бейтон. — Военная жизнь такая, смерть всегда за спиной стоит. Только смерть у смелого одна. Она за каждым придет. А у труса смертей не счесть. Они за каждым кустом хоронятся. Он сотню раз на дню умирает. Можем мы не сдोजить? Можем. Только это будет смерть, о какой люди сотни лет песни слагают, сказки рассказывают. Вот вам мое слово: я остаюсь в Албазине. Буду биться за свою и вашу волю столько, сколько сил хватит. Умру, но крепость не сдам. Кто со мной? Кто хочет, чтобы память о нем через век жива была? Смелые есть? Отзовитесь!

На миг стало тихо так, что слышен был голос кукушки из ближней рощицы на сопке. Бейтону показалось, что его нескладная речь пропала в воздухе, что казаки сейчас просто бросят все и уйдут в Нерчинск или Якутск. А то и вовсе на свободные земли волю искать. Потом толпа раздалась. В круг подались десятка полтора казаков из Енисейска, старых друзей Бейтона.

— Мы с тобой, Афанасий Иванович! Ты нас ни разу не обманул, не слукавил. Мы за тебя!

— Добро, братья! — поклонился им голова.

— Так и мы за тебя, Афанасий Иванович! — раздался голос с другой стороны, где стояли тобольцы. — Ты — дядька честный, с разумением. Мы с тобой останемся.

— И мы! И мы! — теперь уже кричал весь круг. Крики смешались, а потом пронеслось над кругом победительное:

— Любо!!! Любо, атаман!

У Бейтона потекла слеза, перехватило дыхание. Вот они — настоящие люди, его братья не по крови, а по сути. Со дня, когда узнал о смерти жены, он впервые ощутил не просто счастье, но что-то большее. Будто что-то бурлило в крови, распирало от невероятной надмирной радости — радости единения с другими, любящими и понимающими друг друга людьми. А над кругом продолжало нестись:

— Любо!

Когда-то он рисовал в мечтах картину «своего полка», стройных рядов солдат в ярких мундирах с сияющим оружием, вдоль которых едет он на дивном коне — славный, изящный, красивый. Этого не будет. Вот его полк: вот эти разные, совсем не дисциплинированные и не красочно одетые люди. Но с

каждым из них его связывает нечто гораздо более значимое, чем слава. Они — не просто его полк. Они — его жизнь, его мир.

Когда круг немного успокоился, Бейтон продолжил:

— Братья! Битва нам предстоит нелегкая. Я так думаю, что всем больным или немощным, всем бабам с детьми уходить надо. Лучше в Нерчинск. С ними пошлем охрану казаков десять с просьбой о помощи. Пришлют — спасибо! Нет — сами будем биться.

Говорили еще немало. А решили все так, как Бейтон сказал. На том и разошлись. Но разошлись другими — не теми, что собирались на круг: это были люди, уверенные в поддержке каждым и каждого, люди, готовые к борьбе и смерти. Если у кого-то и таились иные мысли, то теперь он сам гнал их прочь, не в силах забыть того удивительного чувства слияния многих в единое.

После круга Бейтон зашел к воеводе (Толбузина на круге не было). Взбежав на крыльцо приказной избы (будто легче стал лет на десять), Бейтон вошел в комнату, где все это время сидел воевода. Он и сейчас был там. Только что-то изменилось во взгля-

де Алексея Ларионовича. Это был взгляд человека, принявшего решение.

— А, Афанасий Иванович, — приветствовал Бейтона воевода. — Что решил круг?

— Будем биться! — коротко ответил Бейтон.

— Значит, так тому и быть, — как-то с облегчением проговорил Толбузин. — Я тут все думал: как мне поступить? И вот что я решил: жить я не хочу. Не в радость мне это. Но руки на себя накладывать — грех большой. Да и глупо это: не дитятя. Муж и воевода. Вот сгинуть в битве за свою землю — это будет хорошо и правильно. Как думаешь?

— Не знаю, Алексей Ларионович! Биться — это правильно. Только давай пусть Бог рассудит, когда нам в землю ложиться.

— И то правда, — со вздохом согласился Толбузин.

Встал с лавки, подошел к стене, где на крюке висело оружие. Снял шашку. Посмотрел. С неодобрением отметил темные пятнышки ржавчины.

— Ничего, к бою будет сиять. Командуй, голова. Готовь встречу для дорогих гостей.

Потянулись томительные дни ожидания. Горячие головы из самых молодых казаков предлагали самим идти на врага. Бейтон с трудом их сдерживал. Он понимал, что многократный перевес при полевом сражении сведет на нет все его задумки, все казачье умение и лихость. А вот за стеной можно и потягаться. На два дня езды от крепости он приказал выставить караулы и дозоры, чтобы заблаговременно узнать о продвижении противника. Тридцать казаков отправил в тайгу, на временную заимку — тревожить цинов, буде они встанут лагерем под стенами. В пятый день июля прискакал вестовой с известием, что по реке движется несчетное число больших судов, бусов с вражьей силой. Вечером того же дня прибыли казаки.

Бейтон приказал выставить все пушки на приречной стороне стены. Туда же развернули ствол огромной гаубицы на раскате. На стенах оставались только дозорные. Остальных, хоть они и протестовали, Бейтон отправил отдыхать. На сторожевой вышке поставили самого острого на глаза казака. В седьмой день июля маньчжурские суда по-

казались на горизонте. Бейтон тихо поднял всех на ноги. Пушкари под командованием воеводы, расположившегося на вышке, стали готовить пушки, стрелки по двое заняли места на позициях. Две сотни всадников и сотня пеших приготовились у входов на стены. И все это тихо. Без шума и суеты. Внешне стены выглядели вымершими.

Про эту вылазку Бейтон думал давно. Первый удар должны нанести они. Быстрый и хлесткий. Такой удар, чтобы противник потом не думал, а бросался с яростью. Такого врага бить легче. Важна эта вылазка и для самих казаков. Разговор в кругу — это хорошо, но недостаточно. Конечно, разбить цинский отряд у них не получится — тех слишком много. Однако пусть маленькая, но победа укрепит дух защитников.

Тем временем караван судов с цинской армией не спеша приближался к крепости. Вот уже головной бус остановился напротив крепостной стены. Его начали притягивать к берегу. Спустили мостки. Вот второй, третий корабль ставят на прикол и из них начинают выпрыгивать маньчжуры. Уже человек сто вышло. Ну, с Богом!

Бейтон встал во весь рост и махнул тряпичей. По сигналу тут же раздались выстрелы пушек и мушкетов. Одно судно запылало, второе — резко накренилось. На прибрежный песок упало несколько цинских воинов. Второй залп — спустя краткий миг. Вновь удачно. Фигурки у кораблей засуетились, забегали. Остальные корабли стали сбиваться в кучу у берега, наскакивать один на другой. Бейтон сел на коня и вновь взмахнул платком. По перекинутым мосткам из крепости вырывались казацьи сотни. До берега рукой подать. Цины пытались выстроить копейный строй, но не успели. Казаки налетели раньше. Уже десятки врагов лежат на земле, а рубка все идет.

Бейтон вррезал в массу противника. Поднял саблю. Удар. Еще один. Схватка пленила, разжигала. Забывшись, он чуть не пропустил опасный момент, когда у судов, приставших дальше, стала в спешном порядке выгружаться кавалерия и огромные пушки. Сделав еще два выстрела в сторону противника на кораблях (один, кажется, удачно), он громко скомандовал:

— Всем назад!

Так же слаженно (упражнения сказались) всадники понеслись под защиту стен. Первые выстрелы грянули уже после того, как всадники оказались в безопасном месте. Что ж, вылазка, можно сказать, удалась. Порубали человек тридцать, а сами целы остались. Казаки остывали от схватки, делились впечатлениями, громко смеялись. Пушкарки и стрелки тем временем продолжали обстрел.

Бейтон поднялся к стрелкам. Далеко не все выстрелы достигали цели. Но кто-то умудрялся попадать и на таком расстоянии. Пушкарки попадали чаще. Уже почти десяток кораблей получили те или иные повреждения. Бейтон бросился к гаубице. В этот момент ударили пушки цинов. Первые ядра упали возле стен с недостатком.

— Всем пригнуться! — заорал что было сил Бейтон.

Стрелки скрылись за фашинами, а обстрел крепости возобновился с новой силой. Большая часть ядер просто вязла в стенах, сделанных из грунта, никак не затрагивая ни укрытых в них воинов, ни стрелков за фашинами. Несколько ядер перелетело стены и ударило во двор. Правда, ни в какие строения не попало. Впрочем, большая часть защитников, не стоящих на стенах, уже скрылась в убежищах в стене и специально отрытых погребках с мощными накатами бревен сверху.

Добежав до гаубицы, Бейтон отодвинул пушкаря и сам навел мощную пушку. Цель — батарея цинов с севера от крепости. Так, далековато. Но для демонстрации подойдет. Тщательно измерил расстояние, угол наклона гигантского орудия. Пушкарки заложили порох и ядро «с начинкой». Выстрел. Бейтон сам не ожидал такой удачи: насколько он разглядел, ядро ударило близ одного из орудий, повредив его, поранив пушкарей, что возлились вокруг орудий. Обстрел прекратился.

Цинский караван отошел к середине реки и начал высадку на острове. До острова не добывала ни одна пушка, не говоря о мушкетах. Бейтон тоже отдал приказ прекратить огонь. Можно было начать отдыхать. Но разгоряченными боем и победой казаки еще долго шумели у костров. Пусть победа была почти мнимой (маньчжуры все равно высадутся), но казачий голова всячески хвалил своих подчиненных. Это важно. Чтобы обезопасить себя на случай ночного нападения, Бейтон поставил несколько стрелков в секретах у частокола перед стенами и сторожей на стенах. Еще раз громогласно поблагодарив казаков и воеводу, он отправился спать в сруб в стене, куда уже давно перенес свои пожитки. Сруб не был боярскими хоромами, но лавка широкая, стол и два стула есть. Бросил на лавку шубу. Мушкет поставил рядом, саблю отстегнул. Выспаться бы. Но не вышло. Едва он улегся, в дверь вошел воевода.

— Не спишь, Афанасий Иванович?

Бейтон сел на лавке. Без особой радости взглянул на воеводу:

— Проходи, Алексей Ларионович! Угостишься? Не побрезгуешь? — проговорил он, доставая бутылку хлебного вина.

— Ну, за наш успех не грех и выпить.

Бейтон разлил вина в чаши.

— Ну, давай выпьем! — проговорил воевода, принимая чашу. Потом помолчал. Выпил. — Я чего зашел-то. Думаю, что цины быстро нас не собьют. Только тут одна закавыка...

— Какая, Алексей Ларионович?

— Если до зимы дотянем, оцынжать можем. Припасов у нас много, а все мука да мясо. Что делать думаешь?

— Честно сказать, я о такой напасти и не думал. А что в таком разе нужно делать?

— Хорошо бы еловой хвои набрать да настоя наварить, пока цины нас в округ не взяли.

— Хорошо бы. Давай я завтра попробую двух казаков послать в тайгу. А пока спать бы нам надо.

— Не все тут, — опять глядя в пол, проговорил воевода.

— Слушаю тебя, Алексей Ларионович.

— Чую я, смерть моя совсем близко стоит.

— Ты о чем, Алексей Ларионович? Мы с тобой еще от самого государя будем благодарности и чины принимать.

— Не перебивай, голова. Я о важном. Тут печать воеводская и грамота государева. Пусть они у тебя будут. Пусть не пропадут, если я помру.

— Что ты, воевода?!

— Бери, голова! Тебе крепость доверяю. Держись без меня. За меня отомсти.

— Что же ты себя хоронишь?

— Чувствую я, понимаешь? Объяснить не могу. Судьба моя подходит. Родитель мой тоже перед концом чувствовал. Потому и пришел к тебе. Я не плакаться пришел. Ты не подумай. Жизнь я прожил, как хотел, как понимал. Правильно или нет — пусть Господь рассудит. Кроме того, что против

клятва пошел, мне и каяться не в чем. Даже не так: есть, да не хочу. Все, что было, то мое. Мне за него и отвечать. Только не хочу я после моей смерти раскола. Пусть все будет по закону. Воевода сам тебе власть передаст. А если живы мы останемся, тогда и разберемся. Так, Афанасий Иванович?

— Так, — несколько недоуменно отвечал Бейтон. Власти ему и своей было довольно. Чужой не хотел. Но и говорить против, когда человек перед тобой так раскрывается, не хотел.

— Ну и ладно, что так. Бери, голова, прячь и правь Албазиным, а я пойду.

Воевода встал. Поднялся и Бейтон.

— Ты отдыхай. Не провожай меня. Завтра дел будет много.

После ухода Толбузина Бейтон долго не мог заснуть. Все думал, что это было. Зачем? И вдруг понял — он только что выслушал исповедь. Странная у него доля: исповеди принимать. Отго был. Теперь Толбузин. Может, и прав был покойный отец, когда говорил, что ему место в церкви. А с еловой хвоей прав воевода. Хоть немного бы набрать.

Цины не напали завтра, хотя и всячески демонстрировали готовность напасть. Несколько раз усаживались в лодки и выплывали к русскому берегу. Но едва начинались выстрелы, отходили обратно. Бейтон понимал, что враг хочет измотать и притупить бдительность защитников, чтобы потом навалиться всей массой. Потому часто менял караулы — люди должны быть отдохнувшими. Послал он казаков и за хвоей. Наварили чан настоя. Неизвестно, надолго ли, но какое-то время хватить должно.

На следующий день тоже не напали. Но Бейтон знал, что затишье временное. Цины обустранивались на острове всерьез. Выкатывали пушки. Ставили шатры. К концу шестого дня непонятного сидения, которое уже начинало изрядно злить Бейтона, в лагере цинов началось шевеление. При этом их полководец старался, как мог, долго сохранять вид, что ничего не происходит. Это и насторожило Бейтона. Он приказал выставить пушки по периметру, усилить караулы. На боевые позиции вынесли ручные ядра, запалы. Ночью жгли костры, чтобы не дать врагам подобраться в темноте. Половина казаков была на стенах, половине Бейтон

приказал спать. Даже сам сумел выкроить несколько часов для сна: завтра силы понадобятся. Не отходил от стен только воевода. Казалось, что Толбузина подменили. Он был везде. Помогал устанавливать пушки, показывал казакам, как поджигать ручные ядра, шутил, поднимал дух. Эх, Алексей Ларионович! Не тратил бы ты себя так. Тоже ведь не мальчик. Но приказать воеводе Бейтон не мог, несмотря на их давешний разговор. А утром началось.

Цины ночью переправились с северной стороны. Много переправилось. Может, тысяча, а может, более. На лодках с острова подошли остальные. Как только туман от реки стал сходить, ударили пушки цинов. Бейтон услышал глухие удары в насыпь. Вскочил. Быстро оделся, схватил оружие и бросился на стену. Из тумана над рекой виднелись вспышки выстрелов. Ядра с невероятным упорством посылались в сторону крепости, правда, без особого вреда для нее. Несколько ядер, влетевших во двор, разорвались на пустых местах. Кого-то задело. Были крики. Но большая часть казаков пережидала обстрел в укрытиях или за фашинами. Наконец пушки смолкли.

— Всем на стень, — приказал Бейтон. — Приготовиться к залповому огню. Стрелять по приказу.

Распоряжение головы быстро и негромко передало по стене и остальным защитникам в крепости. Внезапно обстрел прекратился. Значит, люди врага близко, понял Бейтон.

— Приготовиться, — передал он по цепи.

Казаки стали засыпать порох: стрелки — в свой мушкет, помощники — в свой и во второй мушкет стрелка. Пушкари запалили фитили. Вот послышался топот массы копыт, и из рedeющих клубов тумана стали вылетать конные отряды. Настоящая лава неслась к стенам. Большая часть воинов была в металлических или кожаных доспехах. До них шагов триста. Уже двести. От реки плотной цепью в несколько рядов шла пехота, вооруженная железом. У этих доспехи были хуже. Огневые стрелки остались за строем.

— Ну, с Богом! — прошептал Бейтон и уже во весь голос, чтобы было слышно всем, прокричал: — Огонь!

Залп по плотным рядам наступавших, когда даже случайная пуля находит цель, а ядра пробивают в строе целый переулоч, был страшен. Раздались крики; около двух десятков цинов, скакавших или бежавших к крепости, упали на землю. Но движение продолжилось.

— Перезаряжай. Огонь! — вновь скомандовал Бейтон.

Второй залп. Движение пехоты приостановилось.

— Стрелкам продолжить стрельбу по двое. Пушкарям — продолжать стрельбу.

Всадники тоже замедлили скорость. Упавшие кавалеристы и бившиеся раненые лошади мешали движению. Лава рассыпалась. Огонь из мушкетов теперь велся с убойной дистанции лучшими стрелками. При этом, поскольку помощник постоянно подавал новый заряженный мушкет, стрельба не смолкала ни на миг.

Всадники начали разворачиваться. Пехота побежала. Отлично.

— Не прекращать обстрел! — скомандовал Бейтон, а сам быстро сбежал со стены и вскочил на коня.

— Казачки! — крикнул он оставшимся сотням, не занятым на стенах. — Помашем шашками.

Вылетевшие из крепости сотни рванули в сторону пехоты. Несколько мгновений — и всадники догнали смешавшуюся толпу от-

ступающих. Началась бойня. Не менее десятка цинских солдат полегло под казачьими шашками. Но основная масса домчалась до лодок и устремилась к острову. Казаки раскатили или взорвали строения, которые успели возвести за ночь цины, и... столь же стремительно скрылись за стеной. Конные противники к тому времени тоже скрылись из виду. Отбились. Бейтон с трудом (все-таки шестой десяток подходит) сполз с коня и перевел дыхание. Кто-то подал ему крынку с холодной водой. Надо же, какая сладкая! Через миг Бейтон уже оглядывал крепость. Приказная изба разбита. Башня повреждена, но пока стоит.

— Сколько наших полегло? — спросил он оказавшегося рядом сотенного писаря.

— У нас в сотне — двое. Про другие сотни не знаю, — спокойно ответил огромный и седой казак Никанор.

— Узнай, друже, и мне все обскажи, — приказал Бейтон.

Сам он уже шел по двору крепости, отдавая приказы, говоря благодарность казакам за храбрость и умение. Внезапно кто-то тронул за плечо. Бейтон резко обернулся. Сзади стоял воеводский слуга. Из глаз у него текли слезы.

— Афанасий Иванович! Батюшка, Алексей Ларионович отходит. Тебя все кличет. Уже поп у него сидит, отходную молитву читает, а он все тебя зовет. Попа твоим именем величает.

— Где он?

— В стене, в воеводском срубе.

— Пошли.

Полковник со слугой быстро прошли к стене, где в одной из комнат лежал воевода Толбузин. В комнате пахло кровью. Знакомый и до невозможности неприятный запах. Лампады на топленном жире чуть рассеивали тьму, но добавляли смрада. На шубе, расстеленной по лавке, лежал воевода. Ядром ему оторвало ногу почти до самого живота. Не жалец, понял Бейтон. Смертельно бледное лицо Толбузина было строгим и значительным, как никогда при жизни. Видимо, боль уже отступила. Глаза смотрели в ту даль, что не видна людям, живущим на этом свете. Возле Толбузина сидел, сторбившись, поп и заунывным речитативом произносил слова молитвы.

Бейтон присел к изголовью умирающего воеводы. Молча положил руку ему на лоб, холодный и мокрый. Еще одна смерть чело- века, который мог бы стать близким другом, но не стал, не успел. Смерть между ними. Внезапно глаза умирающего на миг про-

ясно-лишь. Он увидел Бейтона и попытался что-то сказать. Но губы уже не слушались. Бейтон взял его руку в свою. Осторожно жжал:

— Не волнуйся, Алексей Ларионович! Все, что ты говорил, сделаю.

Губы воеводы слегка раздвинулись, обозначая улыбку. Он благодарно посмотрел на своего казачьего голову и... умер. Бейтон не сразу осознал, что держит руку мертвеца. Поняв это, медленно положил ее на грудь покойного, с благодарностью взглянул на попа, поклонился ему (поп быстрым движением благословил голову) и вышел. Мертвые — мертвым, а мир — живым. Дел впереди еще невпроворот...

Бейтон велел собрать сотников и старшину пушкарей у себя. Через час в комнате, освещенной тремя лучинами и лампадой на столе, собрались казачьи старшины. Проходили в низкую горницу под стеной степенно, рассаживались не просто так, а со значением. Самые уважаемые и старшие — ближе к красному углу, остальные — подальше. На столе стояла самая простая закуска: разломанный каравай, сушеное мясо, чашка с кислой капустой. Когда все расселись, Бейтон разлил вина в чаши. Выпили за помин души павших братьев. Погибло девять казаков и воевода, ранено больше — десятка два. Врагов poleglo больше. Казаки считали, что сотни две. Голова — а теперь и осадный воевода — счел, что поменьше — сотни полторы. Главное же, что штурм провалился. Сочли запасы порохового зелья. Говорили и про запасы еды. Еды было вдоволь. За то многократно благодарили голову. А вот запасов против цинги немного. Есть лук, но мало. Немного сушеной черемши. Но это средство, как сказали казаки, помогает не очень. Решили завтра четырех казаков в разные стороны послать, чтоб набрали еловой хвои, да настой сварить.

Бейтон еще раз поблагодарил всех за храбрость и перешел к вопросам военным. Здесь, в отличие от проблем с провиантом, он чувствовал себя увереннее:

— Слушайте, братья! Сегодня мы бились отлично. Но цины тоже совсем не дураки. Они поняли, что нахрапом нас не возьмешь. Будут измором брать. Только тут — как сказать (Бейтон не сразу вспомнил выражение) — палка с двумя концами: как река станет, у циннов еды не будет. Много их, на всех припасов не наберут. Вот тогда и начнется — кто раньше сдастся. Цины будут

нам голодом морить. Здесь нам вся воля и понадобится. Пока и хлеба, и мяса у нас вдоволь. Если я правильно понимаю, то нужно нам вылазки делать, чтобы подольше они не смогли нас обложить. Понятно, други?

— Что ж не понять, голова. Дело оно привычное, терпеть.

— Нам не просто терпеть нужно, а воевать. Не будут цины просто так ждать. Будут нас на крепость проверять. А мы — их.

— Это дело, — вдруг проговорил молодой сотник. — Не люблю я сидеть сиднем. Уж лучше в вылазке головы сложить.

— Э, нет, брат, — усмехнулся Бейтон. — Умереть — штука нехитрая. А нам крепость отстоять надо. Потому не умирать, а убивать врагов нам надо.

— Прав ты, голова! Говори, что делать?

— Пока отдыхать. Только посты оставьте и караулы. Как отдохнете, будем вылазку продумывать. А пока — всем спать.

Старшины поблагодарили за вино и угощение и откланялись так же чинно, как вошли. Бейтон остался один. Сдвинул со стола остатки еды. Плескнул в чашу вина. Выпил. Сел на лавку и неожиданно для себя... заплакал. Он не плакал никогда в жизни. Даже в детстве. Когда умерла Арина, он выл, метался, но не плакал. А тут... И не скажешь, что именно накатило, переполнило чашу. То ли от того, что его попытка забиться в лесной угол и тихо дожить жизнь привела его на новую бойню. То ли от того, что понимал он, что осада будет долгая и, может быть, для него последняя. Да мало ли причин? Только слезы лились и лились из глаз. Перед мысленным взором вставали картины молодости. Первая битва и его первый выстрел по живому человеку. Получение перед строем патента поручика им, двадцатилетним юнцом. Прибытие в Москву, битва в Могилеве, сражение с киргизами, Азов, Отто, Бутурлин, Арина, Федор, Толбузин — все смешалось, все плыло и колыхалось перед глазами. А слезы все текли.

Бейтон поднялся, плеснул из кувшина остатки хмелящего напитка. Огненный комок прокатился по животу. Стало легче. Теперь спать. Все остальное потом. Когда-нибудь он обязательно все додумает. Про жизнь, про волю, про себя. Про всех этих людей. Конечно, если останется жив. Последняя мысль пришла уже в почти спящую голову Бейтона. А завтра началась осада — долгая, тягучая, грязная.

СДАВАТЬ КРЕПОСТИ РУССКИЕ НЕПРИВЫЧНЫ

Ранняя осень только тронула кроны деревьев, залив весь мир разноцветьем. Солнце лишь начинало клониться к закату, все еще даря миру тепло. В деревне наступало то блаженное время, когда дневные дела в основном переделаны, а пастух скотину еще не пригнал. Мужики собирались у лавки, обсуждали урожай, приплод скота, промыслы. Бабы больше по хозяйству, с детьми. Запряженная в телегу с огромным стогом высохшего сена лошадь лениво пробрела по улице, вдоль которой выстроились крепкие дома с высокими деревянными заборами, с оконцами, украшенными затейливой резьбой. На завалинке возле еще крепкой, но явно нуждающейся в мужских руках избы собралась кучка ребятишек. Они расселись возле старого, седого как лунь казака и, перебивая друг друга, выпрашивали:

— Деда Егор, деда Егор! Расскажи еще про Албазин! Ну расскажи!

— Да что вам рассказать, пострелята?

— Про войну! Про осаду!

— Ну, слушайте, — проговорил дед, усаживаясь поудобнее. — Дело было так. Атаман наш, Афанасий Иванович, дождался, пока богдойская тьма к крепости подойдет, да как крикнет: «Огонь, казачки!» Мы и давай стрелять все разом. Кто из ружья, а кто и из пушки. Кто более умелый, тот сам стрелял, а кто пока еще мудрость эту не изучил, тот другому казаку заряжал да новое ружье подавал. Богдойцы испугались сильно. Кричать стали, на землю падать. А корабли их, которые джонки называются, от берега отходить начали. Вот тогда Афанасий Иванович и вскочил на коня, а мы — за ним. Навалились на тех богдойцев, шашками их рубили, из пистолей стреляли. Они и отошли.

— А почему всех не побили? — спросил, недовольно шмыгая носом, мальчишка лет восьми от роду, в застиранной рубахе.

— Так нас две сотни было, а их, почитай, сто сотен. Всех и не перетопчешь. Ты не перебивай, пострел, а слушай.

— Рассказывай, дед! — загомонили мальцы.

— Ну, вот и слушайте. Отбились мы в первый раз. Назад воротились. Атаман наш низко поклонился казакам. За службу всех поблагодарил. А сам собрал старшин, и стали они готовить отпор. Заготовили ручные ядра, ружья прочистили, пушки. Вот через

неделю богдойцы всей силой навалились. Сначала пушками в нас палить стали. Так у нас стены такие были, что ядра их не берут. А на каланче воеводу нашего смертью убили. И еще несколько казаков побили теми ядрами. А потом и на приступ пошли. Со всех сторон идут, как стена. А с северной стороны конники скачут, что твои мунгалы. И много их — страсть. А наш батюшка, Афанасий Иванович, как крикнет: «Бей их, казаки!» Ну мы и давай их крошить из ружей. Стреляем. А на том месте уже двое. Мы опять стреляем. А они все идут. Ну, думаю, конец нам приходит. Ан нет, потому как стали мы все вместе делать, как атаман сказывал. Называется залповый огонь.

— Это как?

— Ну, значит, все вместе в один миг и стрельнули, а потом еще стрельнули. Так те богдойцы и побежали. А мы за ними, на конях и с шашками. Побили их без счета и обратно воротились. Поняли нехристи, что нас насоком не взять. Решили брать измором. Стали валы строить и окопы окапывать. Со всех сторон нас обкладывать стали.

— А вы что ж смотрели? — нетерпеливо спросил мальчишка постарше.

— А мы и не смотрели, — недовольно оборвал мальчика старый казак. — Ты слушай, а не перебивай старшего. Мы, почитай, через день на вылазки ходили. Афанасий Иванович, еще пока к осаде готовились, с кузнечком наделали ручных ядер. Ядро небольшое, а в нем всякого острого лома наложено и порох. Дырка проложена внутрь, и фитиль вставлен. Запалишь его и кидаешь. А она сама взрывается. Так мы теми ручными гранатами врагов забрасывали. Только уж больно их много было. Считай, на одного нашего десять богдойцев выходило. Как осень началась, стали они нас пушками сильно донимать. Только атаман про все заранее продумал. В стенах под землей построили мы себе срубы. Там же снесь была, там и хоронились. Вокруг огонь страшный со всех сторон. Ни одного целого дома в крепости не осталось. А наших побито совсем немного, меньше полусотни.

— А как в подземных срубах жить-то было? Страшно? — спросил совсем маленький казачонок.

— А что страшного? Еды вдоволь. Лучина свет дает. Через двери воздух проходит. Милое дело. Да и не сидели мы просто так.

Сторожевые постоянно на стене были. Не меньше сотни. А остальные отдыхали и к вылазкам готовились.

— А что богдойцы? — спросил рыжий малец.

— Богдойцы все надеялись нас на саблю взять. Особенно их главный воевода лютовал. Назывался он Латунь. Имя его богдойское такое. Каждый раз, как побегут его вои, бегают по пристани, на своем языке кричит, плеткой их стегает. А потом к нашему атаману шлет посланцев. Дескать, сдавайтесь, все равно выхода вам не будет. Один раз сам приехал. С ним — трубач ихний да знаменщик. Зовет нашего атамана Афанасия Ивановича на переговоры.

— А атаман что?

— А что. Хворал он тогда сильно. Многие хворали. Еды-то у нас вдоволь было, а все одно болезнь была такая, цинга. Худая болезнь. Животом страдали, видели многие плохо. Руки и ноги отекали, что и ходить было не можно. А он, батюшка наш, уже тогда немолод был. Да и себя для людей не жалел. Вот ему худо и приходилось. Тогда много добрых казаков от той цинги померло. Проснешься утром, тормошишь соседа на лавке рядом. А он уже и неживой.

— Так и мерли?

— Так и мерли. Мы их всех в дальний сруб сносили, где не топили печи. Так, почитай, половина нас в том срубе лежало. Но богдойцу Латуню мы слабины не давали и бед своих не показывали. Наш атаман, хоть и ходил с трудом, а на коня сел и к тому богдойцу с сотниками нашими выехал.

— А тот что?

— Сдавайтесь, говорит, или к нам на службу переходите. Дескать, наш царь богдойский храбрых воинов ценит. Будет вам не жизнь, а масленица. Мы вам в этих землях все одно жизни не дадим — тут предки нашего царя обитаются.

— Как предки? Вурдалаки? — аж замурился от страха самый младший постреленок.

— А кто их, богдойцев, поймет? Может, и вурдалаки. А может, как у брятов, духи какие. Не скажу. Сам не разумею, а вас путать не стану. Только говорил тот Латунь, что без

этих мест вся сила волшебная у цинской власти закончится.

— А наш атаман что отвечал?

— А наш атаман ему и отвечает, что русские крепости свои не сдают. Не имеют такой привычки. Раз, говорит, мы эту землю засеяли и подняли, то не ваша она, а наша. Сейчас отобьете, завтра новые люди из России придут на вольную землю.

— А тот что?

— А тот на своем басурманском языке давай лопотать. А толмач его и говорит, что их царь шибко милостивый. Но всему есть предел. Он, Латунь, дескать, от нас ни косточки не оставит. А Афанасий Иванович показал на трупы богдойские, что по всему полю уже замерзшие лежали (дело уже по осени было), и говорит: ты им про милость вашего царя расскажи. Да подумай, сколько еще здесь поляжет. Не лучше ли в мире жить?

— Деда Егор, а ты про тот разговор откуда знаешь?

— Так говорили они возле стены. А я на той стене сторожил с ружьем. Каждое словечко слышал. А что не расслышал, то добрые люди потом рассказали. Да не перебывайте, пострелята.

Ребятишки умолкли. Едва не каждый погожий вечер собирались они возле дома деда Егора. Хоть и не староста, не сотник, а казак уважаемый. Столько в жизни повидал, что на десяток хватит. Детей шестерых вырастил. Тоже славные казаки. Живут рядом. Службу несут. От немирных народов торговые караваны охраняют. Не только со станицы — со всей округи шли люди к деду Егору за мудрым советом, за судом. Долгую жизнь прожил казак. Много знал и видел.

Вот ребятишки бегали к нему за другим: у старика всегда водились для пострелят и медовые пряники, и варенье, и истории, похожие на сказки. Но знали дети, что все рассказанное старым Егором чистая правда. Вот и сейчас, затаив дыхание, слушали они про крепость Албазин. Дела-то были минувшие. От крепости той давно уже ничего не осталось. Дед Егор тогда сам только в казаки поверстался. А слава идет. Рассказывают знающие и те, кто просто слышал что-то про защитников Албазина да про атамана их, Афанасия Ивановича Бейтона.

Бейтон сидел в своем схроне в глубине стены. Ломоть хлеба в тарелке, кувшин с водой на столе. Сабля и костыль возле лавки.

Без костыля уже недели две он ходить не мог. Ноги не держали, опухли. Перед глазами постоянно какая-то муть. Тяжелее этой осени и

зимы в жизни Бейтона и не было. Крепость выстояла. Все он предусмотрел, кроме цинги. Люди слабели, слепли, умирали. Кто-то бежал к богдойцам. Правда, таких было немного — слово казаки держали. Трудное это было слово. И жизнь была трудная. В пятистах шагах от стен стояли валы цинов. За валами пушки, лагеря их. Каждый лагерь большой: людей втрое больше, чем в крепости оставалось.

Но, если бы нужно было вывести своих людей, он решился бы на прорыв. Только нужно не выйти, а цинское войско связать: понятно, что, как возьмут Албазин, так на Нерчинск пойдут. А там — бабы с ребятишками, и припасов им на долгую осаду не хватит. Держаться нужно. Здоровых в крепости осталось сотни полторы. Остальные, как и их атаман, едва передвигались. Одним духом да Божьей молитвой жили. Заготовленный словый настой кончался с ужасной быстротой. Давали его только тем, кто в дозорах, да пушкарям. Попытались казаки пробраться за новыми охапками хвой сквозь валы и окопы. Порой выходило, а порой и людей теряли.

Не успокаивало и то, что цинам немногим легче: как стала река, подвоз припасов у них кончился. А оставленные на потаенной заимке казачки и оставшееся пожгли. Голод у цинов был лютой. Разведчики докладывали, что лошадей уже порезали многих. Мерли цины еще больше, чем казаки. Так и стояли друг против друга две умирающие армии, не в силах ни уйти, ни победить.

В октябре цины последний раз попробовали штурмовать крепость. Лантань двинул всех, кого мог. Подготовились тогда цины хорошо. Двигались они за двумя дровяными валами — огромными кучами бревен на колесных платформах. Стреляли из всего, что стреляло. Только толку от того было немного. За фашинами и насыпями надежно укрывался албазинский гарнизон. Бейтон понимал опасность валов. Их вполне хватит, чтобы засыпать ров и по гребню вбежать на крепостной вал. А там цины просто числом, десятикратным своим превосходством дождут сотни защитников. На это, видимо, и был расчет Лантаня. Он лучше всех понимал, что гибель его армии от голода — тоже нерадующая перспектива. А проклятые русские дергаются. Не сдаются.

По приказу Бейтона все, кто мог двигаться, поднялись на стены. Из последних запасов выдавали слового настоя и меда, лука и репы. Самых крепких и здоровых воинов готовили к вылазке. Но не сейчас. Подождем. Бейтон

следил за намеченными им отметками. Так, триста шагов. Рано. Большая часть пуль пролетит мимо. А порох и свинец беречь нужно. Двести. Уже хорошо. Бейтон отдал приказ пушкарям. Первые ядра полетели в сторону наступающих войск, сбивая в кровавые кучи ряды цинов. Но пушек не так много, чтобы остановить врага. Важно уже сейчас посеять панику. Остальное доделаем ружьями и саблями. Так, пора. Сто шагов. Здесь уже и ружье добьет. Что было сил он выкрикнул:

— Целься! Пли!

От дружного залпа вздрогнули стены, дымом заволкло позиции стрелков. А помощники уже подавали стрелкам новый мушкет.

— Целься! Огонь!

Грянул второй залп. За ним третий. Строй наступающих ощутило поредел и замедлил движение. Дровяные валы же попросту застряли на месте. Бейтон, опираясь на костыль, спустился со стены к казакам, готовым к вылазке.

— Так, други, сойдите поближе и слушайте. Там, за стеной, два дровяных вала. Давайте-ка по ложбинке подберитесь к нему да ручными ядрами его и подорвите. Осилите?

— Нужно, значит, сделаем! Так, братья?

— Не бойся, атаман! Справимся!

С какого-то времени — Бейтон сам не мог точно сказать с какого — все его звания исчезли. Для всех албазинцев он стал просто атаманом, главным и бесспорным авторитетом. И, вместе с тем, своим человеком. Втайне Бейтон гордился этим титулом больше, чем некогда — званием поручика или майора.

Тихо проскользнув в неширокий подкоп в стене, казаки поползли по ложбинке, идущей к самому полю, где сейчас шло наступление. Бейтон остался у самого выхода с заряженным мушкетом (на силу сабельного удара в его состоянии рассчитывать смешно). Сверху по-прежнему не смолкали выстрелы ружей. Временами грохотали пушки. Так, добрались. Казаки принялись бросать ручные ядра. Цины растерялись. Вал рассыпался, а ружья со стены продолжали бить. Теперь было уже совсем близко. Промаяхнуться почти невозможно. Град пуль не прекращался. И вот цины не выдержали, бросились назад. Наконец-то. До крепостных валов оставалось шагов пятьдесят. От взрывов дровяные валы разметало по полю. А хозяйственные казаки, прихватив несколько бревен, уже возвращались к подкопу.

Пропустив своих лазутчиков внутрь, Бейтон плотно прикрыл вход в стену, а казаки опустили тяжелый засов. Теперь наверх. Издали было видно, как цинские воеводы бежали перед входами в лагерь, пытаясь заставить своих воинов идти вперед. Но было понятно, что наступательный порыв цинов кончился. Еще несколько раз они пытались начать наступление, но до валов добрались лишь несколько десятков. И лишь для того, чтобы быть порубленными и пострелянными защитниками.

После этого ни одного наступления не было. Казаки сидели за стенами Албазина, а цины — в своих землянках за земляными валами и окопами. Запасы настоев против цинги таяли, а вместе с ними — и надежды на успешную оборону. Но не лучше было и цинам. Там был голод. Почти каждый день телега с мертвецами отъезжала от лагеря. Очень скоро Бейтон понял, что без хвои, которая была лучшим лекарством от нежданной хвори, им не продержаться. С тех пор походы за хвоей сделались главным делом осажденных. Несколько раз казаки — из тех, что покрепче — устраивали вылазки с целью добраться до леса. Иногда все выходило удачно, но бывало и иначе: лазутчиков цины убивали. Но постепенно на сильно сократившийся отряд защитников крепости все же удалось скопить хвойного отвара. К зиме пришлось резко сократить выдачу еды.

Из Нерчинска прибыл гонец, тайно пробравшийся в крепость. Гонец сообщил, что цинский император согласился на перемирие. В острог прибыло посольство, но глава его, боярин Головин, застрелян в Селенгинском остроге. Прислать помощь Албазину не выходит. Но сдать Албазин сейчас никак нельзя. Если к Нерчинску подойдут войска из-под Албазина, то будут не переговоры, а осада и война. Привез гонец только грамоту от нового Енисейского воеводы о том, что он благодарит сына боярского Бейтона за службу. Спасибо, конечно, воеводе. Только ждал Бейтон другого. Правда, мешок лука он тоже привез.

Цины совсем отчаялись взять Албазин. Лантань два раза приезжал с посольством. Предлагал Бейтону должность начальника отряда личных телохранителей монарха, а оставшихся казаков обещал зачислить в телохранители. Обещал лекарей, просил поделиться припасами. От лестных предложений Бейтон отказался, но с остальным обещал подумать. Странная выходила жизнь: Нерчинск, Енисейск да и Москва были где-

то в невесточьи родились, а цины — рядом. С ними почти сроднились. Заключили они с тем Лантанем свое перемирие. Больных казаков стали пользоваться цинские лекари, хотя в крепость Бейтон их не впустил. И снадобье принял. Да и цинские солдаты получили муку из запасов Албазина.

Выхода не было. Стали ждать, что решат большие воеводы и посланники в Нерчинске. Пожалуй, никогда в жизни не было у Бейтона столько свободного времени. Конечно, про службу он помнил. Караульные выставлялись на стены и менялись, как оно и положено. Распределял он и провиант, и драгоценный хвойный настой. Но в остальном он был предоставлен самому себе.

Нет, его не чурались. Казаки уважали атамана не меньше, чем в первые недели осады. Просто время как будто застыло, остановилось, как река под ледяной коркой. Бейтон часами лежал на лавке, укрывшись теплой шубой, или сидел, глядя на огонек лучины, и думал. О чем? Да обо всем. О том, как прошла — или почти прошла — его жизнь. А главное, зачем она прошла. Ехал в Россию потому, что нигде больше не воевали, а он только воевать и умел. Ехал потому, что платили, потому, что нашлась протекция. Думал ли он тогда о чем-то особом, потаенном, о чем-то таком, что будет потом? Конечно. Без того не бросился бы в омут жизни наемника, не поставил бы на кон свою жизнь.

Вначале это было простое и незамысловатое желание вырваться из унижающей бедности и безвестности. Он помнил, какой безнадежностью веет от пустого кошелька, как обидны косые взгляды, оценивающие потертый камзол или обтрепанную шляпу. А как ранит смех красавиц, рассматривающих с балконов своих палаток недостойных их благосклонности мужчин. Он хотел ездить в каретах, жить во дворцах, быть принятым сильными мира сего и уж, конечно, никогда не задумываться, где будет спать, что будет есть.

Этого как будто он добился. Дом в Москве. Хоть и не живет он там, а дом есть. И не хижина какая-то, а дом, крепкий и удобный. Пусть и не дворец. Деревеньки, что в приданое получены, да своя, государем данная, не велики, а и не малы — почти двести душ крестьян живет. Церковь построена, дом хозяйский. Преемник старого Архипа, давно получившего вольную, писал, что лесопилка, да ткацкая мастерская, да мельница уже не меньше, чем сами деревеньки, дохода при-

неясно. По прусским масштабам, так и совсем немалые условия. Да казна, что в Сибири добыта и у верного друга Федора схоронена, да земля близ Енисейска, да доля в торговых делах... Нет. Вовсе не беден сын боярский Афонька Бейтонов. Только все это пришло как-то само, будто и не нужное вовсе. Другая мечта и другая сила появились. Такое, о чем поначалу и не думал.

Возможность построить целый мир так, как сам хотел, по своей воле, по своим силам. Ох как это затягивает, как оно сладко осознавать, что ты — пыль земная, а смотри, как повернул мир. Как сотни людей по твоему разумению садятся на коней, мчатся по тайге, хоронятся в буреломах, сражаются, гибнут. Как по твоей мысли восстанут стены острогов, растут вывесь башни. Не то даже, что власти хотел. Нет, не о себе заботился. Вроде бы про людей думал, о людях заботился. Как острог защитить, как кочевников смирить. А только само собой выходило, что власти он хотел. Ее тогда он и назвал волей, его волей.

А потом... А потом все опять поменялось. Появилась она, появилась в его жизни Арина. Появилась и отодвинула все остальное куда-то в сторону. Жизнь вся ей подчинилась и озарилась теплым светом счастья. Сколько лет это длилось? Да, считай, все годы с Ариной и были годами любви, годами счастья. Служба, война, долг — все это осталось. Изменилось отношение. Все оно воспринималось как плата за возможность быть с любимой. Именно тогда он, Бейтон, впервые обрел дом. Нет — Дом!

Не Европа и не Россия. Даже не Сибирь. Его миром стал их дом; дом, где они были вместе. Как же он его помнил! До мельчайших подробностей, до запаха свежей травы, что стоял в «господских» комнатах, до неторопливого и успокаивающего треска огонька в печи по вечерам. Как же помнил он осторожный взгляд Арины в сторону детской горницы, где спали их чада, перед тем как идти в опочивальню... Их дом, то единственное место на земле, где жило счастье, чудо их любви. Совсем ли ушло все прежнее? Нет. Оно было фоном, тенью его счастья. Служба и все с ней связанное нужны ему были, чтобы обеспечить безопасность этого маленького, прекрасного мира. Только исчезло счастье. Сгинуло вместе с Ариной, словно и не было этих лет.

Или нет? не сгинуло? В первое время оно жило болью, сосущей в груди тоской. От этой невыносимой тоски и сбежал он в Сибирь, охваченный желанием забиться так

далеко, чтобы там ничего не напоминало об Арине. Теперь дом, их деревня и любое место средоточия их счастья стали его проклятием, его карой, от которой не спрячешься, не скроешься, поскольку главный палач и жертва здесь ты сам.

Потом пришло иное. Да, боль утраты осталась, но пришло понимание того, что ему не просто повезло — ему выпала уникальная удача быть любимым. Он помнил желанные губы, родное до дрожи тело, счастье быть вместе. Это грело в самые трудные минуты. Это и давало ему силы сегодня.

А время шло. Лютые морозы пошли на убыль. Снег слежался в наст, покрылся серой пеленой пыли и сажи от костров. К весне в крепости оставалось чуть более двух сотен казаков. Большая часть погибла от цинги, немало погибло и в стычках с цинами, во время штурмов. Правда, после того как, не считаясь с жертвами, удалось набрать хвои и наделать целебного настоя, цинга пошла на убыль. Но число воинов было на пределе. Еще один общий штурм они отобьют. А дальше?

Но и у цинов тоже было несладко. Три отбитых штурма и постоянные вылазки стоили осаждающей армии почти две тысячи воинов. Не менее тысячи померло от голода и болезней. Оставшиеся тоже были ослаблены и деморализованы. Будь сейчас у Бейтона под началом хотя бы полк свежих и отдохнувших солдат, он смел бы корпус цинов с легкостью. Но полка не было. Немного оставалось и хлеба. Не голодно, но и избытком не пахло. Бейтон старательно следил, чтобы казаки ели горячую пищу. Причем ели вместе, в круге. Он даже сам перешел жить из своей «воеводской горницы» к казачьей сотне, расположившейся в этой стене. Долгие разговоры у общего костра помогали людям легче переносить осаду и неясность будущего.

А оно и было неясным. В Нерчинске все никак не начинались переговоры о мире. Сколько будут стоять друг против друга терпящие силы отряды, было непонятно. Спасала невероятная тяга людей продлять жизнь из сегодня в завтра, привычка людей жить. На нее Бейтон рассчитывал больше, чем на все свои придумки. Ее он и старался поддерживать. Немного облегчало жизнь то, что с каждым днем дыхание весны ощущалось яснее.

Последние весенние снегопады покрыли высокими сугробами все пространство вокруг крепости, сделав какие-либо активные действия просто невозможными. Оставалось только ждать, внимательно поглядывая в

сторону противника. Но вот начало таять. На вершухах холмов показались первая травка, нежная и тонкая, как зеленая дымка. Лед на реке покрылся сеткой трещин.

Как только ледяная шуга прошла по реке и водная гладь очистилась, цины поспешили отойти к базам, где был провиант, теплое жилье. Но дозорные отряды постоянно показывались вблизи крепости. Мир или не мир? Кончилась ли осада или нужно ждать продолжения? Ответа не было.

Как только цины отвели войска от Албазина, Бейтон отправил гонца в Нерчинск. Ответ от Нерчинского воеводы не обрадовал. Заключено перемирие, но мира нет. Монгольский Алтын-хан, данник цинов, осадил Удинский и Селенгинский остроги. Все силы брошены туда. Отбились, но пока стоят против кочевников.

В самом Нерчинске остался только неполный казачий полк из четырех сотен городских казаков. Потому людей на помощь Албазину воевода послать не может. Но просит их ради Бога держаться. Пока Албазин держится, цины не могут двинуть все силы на Нерчинск и далее. Чем сможет, воевода обещал помочь. Но было понятно, что новой зимовки не избежать. Бейтон начал к ней готовиться. Помня уроки прошлой зимовки, он сразу приказал заготавливать средства от цинги, ловить и солить рыбу, охотиться. В Нерчинск был отправлен гонец с просьбой о помощи — если не войсками, то припасами, оружием и порохом.

Поскольку цины не ушли, а лишь отошли на расстояние дневного перехода, припасы из Нерчинска доставляли с постоянным сбережением и оглядкой. Бейтон высылал из крепости караулы — встречать нерчинцев. Казаки все просили дозволения засеять поля возле крепости. Воевода понимал, что собрать урожай им не дадут. Но уж больно просили казаки. Махнув рукой на бессмысленность этих действий, он дал позволение. Правда, на посев выделил совсем немного зерна. Засеяли десятка три четвертей, почти сорок акров. Взросло дружно. Было невыразимо приятно смотреть со стены на зеленеющее пространство. Албазин начинал напоминать что-то живое — то, что было до осады.

Казаки принялись строить за стенами деревянные дома. Жить в сырых и темных (хоть и безопасных) схрапах было уже тошно. Некоторые даже привезли женок из Нерчинска. Хоть Бейтон и понимал, что до исхода далеко, но возражать не стал: нужна человеку отдушина. Бог даст, все живы и

останутся. А не даст — значит, так было суждено. Из Енисейска получил Бейтон и долгожданную весточку от Федора. В город прибыли новый воевода и новый казачий голова. Но казаки «дом Афанасия Ивановича» отстояли. С хозяйством все в порядке. Дети благополучны. Новым воеводой Андрей назначен пятидесятником. Яков при воеводе служит дячком. Люди о нем говорят добрые слова. Не жаден, справедлив. Воевода им доволен. Младшие дети тоже благополучны. У Федора — радость: родился сын, которого крестили перед Пасхой именем Афанасий. Бейтон даже прослезился, читая корявые строки, написанные под диктовку старого друга (сам Федор писать не умел). Хоть что-то в порядке в этом мире.

Да и в Албазине жизнь входила в колею. Поскольку мир подписан не был, только перемирие, воевода Албазинский продолжал высылать дозоры. Высылали дозоры и цины. Если дозоры встречались, то старательно не замечали друг друга. Хотя Бейтон не сомневался, что в лагере Лантаня известно обо всех перемещениях русских, как и ему о передвижении цинов. В Албазин стали просачиваться и промысловики. Непуганый зверь манил их не хуже, чем золото манило испанцев столетие назад. В Албазине их принимали, но воевода строго следил, чтобы каждый прибывавший мужчина мог не только соболя бить, но и стать на стену крепости. Постепенно наполнялась и ясачная изба. А в разгар лета произошло то, что должно было произойти.

Утром Бейтон почувствовал уже забытый запах гари. Он вскочил с лавки, схватил саблю и, пристегивая ее на ходу, чуть прихрамывая после болезни, побежал на стену. Цинские воины жгли поля. Их было несколько сотен. Они шли цепью, поджигая поспевающие колосья. Следом за ними стояли стрелки, готовые к отражению казацкой атаки. До них было не больше сотни шагов. А на реке стали бусы еще с несколькими сотнями воинов. По полю мчались несколько казаков, остальные были готовы присоединиться к ним.

— Стоять! — что было сил закричал Бейтон. — Стрелки — к палисаду! Заряжай пушки, ружья!

Казаки остановились, недоуменно глядя на воеводу.

— В поле вас всех перебьют! Их втрое больше! Они только того и ждут, что вы броситесь, чтобы всех перебить и крепость захватить, — продолжал кричать Бейтон. — Огнем бить иродов!

Казаки в поле поздно поняли свою ошибку. Кинулись обратно, но попали под огонь цинских стрелков. До палисада добежали три человека, а пятеро полегли среди сплюснутых хлебов. Но албазинские стрелки уже приготовились: стоило цинам приблизиться еще на десяток шагов, как Бейтон отдал приказ открыть огонь.

Раздался залп. Стены заволокло дымом. Десяток цинских воинов-поджигателей упали. Остальные смешались. Бейтон же лично навел две из пяти оставшихся пушек на ряд стрелков за спинами поджигателей. Далековато, но ряд плотный. Ну, с Богом! Выстрел. Другой. Ядра врезались куда надо. Готово. Стрелки смешались. Три пушки навели на корабли на реке. Здесь выстрелы были менее удачными. Но один из кораблей накренился, черпнул воды и стал погружаться в холодную амурскую воду. Бусы отошли от берега. Обстрел цинской пехоты продолжался. Уже не меньше сотни воинов лежало в поле, охваченном огнем.

Пехота цинов попыталась отойти к реке, но ядра доставали ее и там. Не скоро и далеко не все цины смогли усесться на бусы и отплыть, стараясь держаться подальше от русского берега. Но почти поспевшая пшеница выгорела дотла. Казаки едва не рыдали, глядя на погибшие хлеба. Бейтон понимал: произошло то, что не могло не произойти. Но и боль казаков он понимал; из запасов (отметить победу) выкатил на площадь две бочки вина. Выпили, покричали, успокоились.

С тех пор цины уж совсем не нагличали, но дозором обложили со всех сторон. Однако к Албазину близко подходить опасались. Так и стояли друг против друга. А время шло. Мир вышел только к лету. Худой мир. Земли по Амуру полагалось русским оставить. Албазину полагалось быть пусту. Правда, в договоре говорилось и о дружбе, и о торговле. Но Приамурье, политое потом и кровью, нужно было бросить. Священная земля маньчжур опять станет пустой.

Сотню казаков с самым ценным грузом Бейтон отправил пешим ходом, на спрятанных по займам конях, а сам с больными и слабыми (таких набралось почти семь десятков) остался у развалин Албазина. Крепость разрушили совсем. Большую часть валов просто взорвали, чтобы не стало и у цинов опоры в Приамурье. Цины после заключения мира вели себя хоть и с важностью, но вполне дружелюбно. Прибыв к Албазину

(строение, к тому месту, где он стоял), они выстроились в два ряда, а между ними прошли важные их старшины во главе с Лантанем.

Бейтон тоже, как мог, выстроил остаток своего отряда. Велел поднять стяг. Так и встретились. Лантань подошел к Бейтону совсем близко — между ними шага три оставалось. Только сейчас Бейтон понял, что цинский генерал тоже очень немолод. Также устал и рад, что все наконец кончилось. Неожиданно Лантань заговорил на мунгальском наречии, на котором прежде отказывался общаться. Бейтон знал этот язык.

— Скажи, почему ты и твои люди не согласились перейти на службу Сыну Неба? — Лантань говорил искренне. Он не понимал, но хотел понять. — Твоя старость протекала бы в теплом доме, в богатстве и довольствии. Твоим людям было обещано важное место, о котором могут только мечтать многие из народа маньчжур. Почему? Ты не поверил моему слову?

— Нет, поверил. Просто мы живем под другим небом. Ты своих воинов стегашешь плетью, а я называю братьями. Ты ждешь, что скажет каждый стоящий выше, а я слушаю свое сердце. Чтобы быть счастливыми, нам нужны не теплая постель и богатый обед, а мир с самим собой, перед глазами — поля без края и высокое небо над головой. Этого ты дать не можешь. У тебя самого этого нет.

Маньчжур побледнел. Наверное, сказанное Бейтоном сильно разозлило его. А может, и смутило. Но через миг его лицо опять обрело вид маски:

— Вы — дикари. Вы не понимаете и не принимаете небесный порядок, который в конце концов будет единым на всей земле. Но ты сражался как доблестный воин. Мне жаль, что ты неспособен принять истинный свет.

— Мне тоже жаль, что нам не удалось понять друг друга, — спокойно отвечал Бейтон. Он понимал, что мир позволяет ему не опасаться. Да и терять ему с его сединами было уже нечего.

— Мы дадим вам две лодки, чтобы добраться до вашего города. Прощай, русский тумэнчи.

— Прощай!

Лантань резко повернулся и по коридору из своих воинов прошел к берегу, где стояли его суда. Цины двинулись за ним. Через час у берега осталось только два буса, на которых Бейтону и его людям предстояло добраться до Нерчинска.

